УДК 947

НЕОНАРОДНИЧЕСКИЕ ПАРТИИ РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА И ИХ ОТНОШЕНИЕ К ТЕРРОРУ

©Протасова О. Л., *канд. ист. наук,*
Тамбовский государственный технический университет,
г. Тамбов, Россия, olia.protasowa2011@yandex.ru

NEO-PEOPLE PARTIES OF RUSSIA STARTED OF THE 20th CENTURY AND THEIR RELATIONSHIP TO TERROR

©Protasova O., *Ph.D., Tambov State Technical University,*
Tambov, Russia, olia.protasowa2011@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется отношение к радикальным средствам политической борьбы, в частности, к террору, российских партий начала XX века, относящихся к народническому направлению социализма — социалистов–революционеров (эсеров) и народных социалистов (энесов).

Показаны сходства и различия взглядов виднейших представителей данных партий на необходимость применения крайних методов борьбы, а также эволюция их отношения к террору вследствие изменений политической обстановки в России.

Основные методы исследования: анализ, синтез, биографический метод, аналогия, сравнение.

Abstract. The article examines the attitude to radical means of political struggle, in particular, to terror, Russian party of the early twentieth century, referring to the populist direction of socialism — the socialist–revolutionaries (SRs) and Popular Socialists.

The similarities and differences of views of the most prominent representatives of these parties on the need to use extreme methods of struggle, as well as the evolution of their attitude to terror due to changes in the political situation in Russia are shown.

Main research methods: analysis, synthesis, biographical method, analogy, comparison.

Ключевые слова: политические партии, методы политической борьбы, неонародничество, социализм, террор, социалисты-революционеры, народные социалисты.

Keywords: political parties, methods of political struggle, neo-people, socialism, terror, socialists-revolutionaries, Popular Socialists.

В России начала XX века активно шло создание и организационное оформление политических партий — процесс, несколько запоздалый по сравнению со странами западной культуры, однако чрезвычайно динамичный, сопровождавшийся слиянием и размежеванием политических групп по идеологическому, стратегическому и тактическому принципам. Видную роль в политической модернизации России играли неонароднические партии — социалистов–революционеров (эсеры) и народных социалистов (энесы); и тех и других относят к направлению, именуемому ныне «демократическим социализмом». По количественным составам и степени политического активизма эти партии несопоставимы: эсеры стали самой массовой партией предоктябрьской России, народные же социалисты не

вели специальных кампаний по вовлечению в свои ряды, и их численность не выходила за рамки 1,5–2 тысяч человек. Однако эсеров и энесов роднили общие народнические корни и опыт совместной общественной деятельности, а в программах обеих партий красной нитью проходила идея построения социализма, понимание которого (если не уточнять детали и нюансы) в целом сводилось к обществу равноправных, развитых личностей–граждан и социально ответственному государству.

Ведущие деятели этих партий не теряли надежды на объединение вплоть до конца 1905 года, когда состоялся учредительный съезд ПСР, окончательно выявивший базовые программные несогласия и, главное, разное отношение к методам политической борьбы революционных и эволюционных неонародников. Эти расхождения сделали невозможным создание в России единой неонароднической партии.

Проблема соотношения эволюционных и революционных форм прогресса для партий российского демократического социализма дискуссионна и сложна. С народными социалистами было более или менее ясно — они в основном предпочитали эволюционизм и в свое время отказались вставить в название партии слово «революционеры», хотя, нужно оговориться, не всегда и не все энесы абсолютно отмежевывались от радикализма. Однако вопрос о революционаризме эсеров, партии с несколькими фракциями, по-разному относившимися к средствам и методам борьбы за социальную справедливость, требует особого внимания. Так, правые эсеры (самые умеренные) к революции относились с оглядкой. М. В. Вишняк, примыкавший к данному сектору партии, объяснял свое отношение к «революционной» части партийной программы: «Я, как мог и сколько мог, сопротивлялся революции, отвергая ее по ряду оснований. И если мне пришлось стать революционером, это случилось вопреки моей воле, — не по соображениям разума, а по велению совести» [2, с. 99]. Не принимая революции по моральным соображениям, он в свое время вынужден был принять участие в протестном движении студенчества, так как «этого требовало чувство элементарной солидарности и товарищества», ведь вступление в партию — это было не формальное только включение в организацию, занимавшуюся политикой. Это означало и приобщение к особого рода содружеству, в котором отношения между сочленами покоились на началах товарищества, — давая особые права, они налагали и свои обязанности» [1, с. 137]. Из этих слов нетрудно понять, что иногда приходилось подчиняться основной партийной линии при неприятии отдельных практикуемых организацией средств.

«Центр» партии, представленный В. М. Черновым и его единомышленниками, оставил значительное количество письменных рассуждений на этот счет, и общий смысл их был таков: революцию следует рассматривать не как противоположность эволюции, а как «совокупность многих ее моментов, одни из которых должны носить боевую, другие — мирную внешность» [25, с. 13]. Левый фланг, представленный в 1917 г. М. Спиридоновой, Б. Камковым, Ю. Саблиным и др., и, в конце концов, отколовшийся в отдельную партию, в своем революционаризме доходил до так называемого либертаризма — отрицания государства как института, излишнего для социалистического общества. Осенью 1917 г. левые эсеры вошли в блок с большевиками, что наглядно показывает отношение членов этой партии к революции, радикализму и нравственности в политике.

Интересен вопрос об отношении эсеров к террору. Несмотря на то, что ПСР многие воспринимали как партию, прежде всего, террористическую, террор не был предметом одобрения многих эсеров, хотя по сей день именно «Боевая организация» эсеров остается своеобразным символом борьбы революционно–настроенной части общества с царским самодержавием. На сегодняшний момент «выявлено свыше 90 тысяч человек, так или иначе причастных к террору. Из-за конспирации установить реальное число участников не

представляется возможным. За все годы функционирования группы в «Боевую организацию» входили 72 мужчины и 19 женщин» [28].

«Самый характер террористической борьбы, связанной, прежде всего, с пролитием крови, таков, что все мы рады ухватиться за всякий аргумент, который избавил бы нас от проклятой обязанности менять оружие животворящего слова на смертельное оружие битв. Но мы не всегда вольны в выборе средств» [26, с. 2], — пояснял позицию по отношению к террору еще формировавшейся тогда партии социалистов–революционеров ее идеолог В. М. Чернов. По его убеждению, успешный террористический акт против одного человека, ставшего причиной страданий тысяч людей, вернее, чем месяцы словесной пропаганды, способен изменить взгляд этих тысяч на революционеров и смысл их деятельности. Действительно, массовой популярности ПСР достигла не в последней степени благодаря терроризму. Покушения на «сатрапов», предпринятые эсерами, способствовали деморализации сановных лиц и, как следствие, ослаблению государства. Германский исследователь Л. Хэфнер утверждает, что «подспудный смысл терактов заключался в их пропагандистском эффекте: в партию живо начали стекаться представители всех сословий, включая соратников их социал–демократического лагеря, желавших в рядах боевой организации внести свою лепту в низвержение старого режима» [24, с. 108]. Повышению политического «статуса» ПСР как силы, активно дискредитирующей самодержавие, способствовало и широкое освещение ее террористической деятельности в европейской печати. У европейской публики из либерального и социалистического лагерей эсеровский террор вплоть до октября 1905 г. вызывал по большей части положительные отклики. Однако позже, когда террористические акты стали менее адресными, более произвольными и менее согласованными с руководством партии (против чего и предостерегал Чернов), отношение к русскому террору европейской общественности стало, мягко говоря, прохладным.

Чернов рассуждал, что в условиях относительного общественного спокойствия и благополучия революционная борьба против деспотизма при помощи кучки террористов обречена на мгновенное уничтожение: реакция без страха и растерянности справится с возмутителями спокойствия. Но если в обществе назревает народное недовольство, то и дело возникают очаги протестов, волнений, сопротивления властям, тогда «метко направленные удары, неожиданно сваливающие с ног наиболее ревностных и энергичных столпов реакции, способны внести в ряды правительственных слуг расстройство и смятение» [26, с. 4]. Увеличивают шансы революционеров и такие факторы, как развитие рабочего движения, рост общих оппозиционных настроений в широких культурных слоях, подъем революционного самосознания молодежи, усиление крестьянского недовольства недальновидной и непоследовательной политикой властей и многое другое, что уже наблюдалось в России периода модернизации и чего еще не было в период самоотверженной борьбы народовольцев.

Ратуя за применение в особых случаях террористических средств, эсеры подчеркивали, что террор для них — не автономная, самодовлеющая система борьбы, а часть, входящая в систему «партизанского и массового, стихийного и целесообразного напора на правительство». Для партии в целом террор не был главным, центральным тактическим пунктом, но он был пунктом безусловно значимым, так как являлся средством резонансным и отчаянным. Являясь крайне энергичным «аргументом» в борьбе против самодержавного насилия, террор, по мнению лидеров эсеровской партии, должен находиться под контролем партии, террористические мероприятия должны проводиться не одиночками, а в рамках партийной деятельности. Партия в конечном итоге и несет ответственность за них. «Партийный контроль и партийное регулирование, — писал Чернов, — предотвратят

опасность, как бы террористическая борьба не оторвалась от всей основной революционной борьбы и не перестала сочетаться с меняющимися потребностями и интересами, как бы из средства эта борьба не превратилась в цель, как бы она не заняла несоответствующего места в революционной… практике, как бы… тактика террористов не вошла в конфликт с общей тактикой революционной армии и не вошла в конфликт с ней» [там же].

Оправданием необходимости террора эсеры считали и тот факт, что у правительства нет страха перед протестующими, в отличие от периода народовольцев, которых власть «ненавидела и боялась». В подобных условиях социалисты–революционеры не видели возможности отказаться от террористической борьбы как экстремального средства.

Надо отметить, что на тот момент ряд представителей будущей партии народных социалистов поддерживали эту позицию, относясь к террору как к допустимому средству борьбы против породившей его правительственной системы, превращавшей, по словам лидера энесов А. В. Пешехонова, русский народ в «бессвязные толпы» и «людскую пыль». При противозаконном, антигуманном поведении «сильных мира сего», бесконечном произволе самодержавия, «надругательстве над честью» протестующих против этих «свинцовых мерзостей», рассуждали социалисты в начале XX века, террористические акты — не что иное, как «оружие необходимой обороны» [там же]. Одним из самых вопиющих примеров аморализма властей, по их мнению, была «позорная порка, от которой даже уголовные обитатели «мира отверженных» все чаще начинают спасаться самоубийством». Этот тезис косвенно подтверждал знаменитый народнический поэт и публицист П. Ф. Якубович, несколько лет проведший на каторге. В целом он отмечал нечувствительность уголовного элемента, как правило, крайне темного и безграмотного, к моральной стороне воздействия телесных наказаний — преступники боялись лишь физической боли. Однако, рассказывая о порках каторжных женщин, он описывал якобы испытываемое ими унижение, осознавая его при этом, конечно, гораздо отчетливее, чем сами «падшие создания» [27, с. 377–378]).

По мнению же социал–демократов, озвученному газетой «Искра», «терроризм изолирует революционную партию и тем осуждает ее на поражение» [6]; «террор мешает организации, а, следовательно, и вообще политическому воспитанию рабочих» [6]. Вопрос о выборе форм политической борьбы, а в этой связи и вопрос о терроризме как одной из возможных ее форм, — достаточно широко обсуждался в то время. Причем убежденными сторонниками террора выступали не только эсеры, но и зарубежные эмигранты, связанные как с «экономизмом» (журнал «Рабочее дело»), так и ставшие впоследствии меньшевиками (В. И. Засулич, Ю. О. Мартов и другие) [29]. Эсеры в данном вопросе апеллировали не к интересам партии или даже класса, а всего российского общественного бытия. «Если террористический факт поражает человека, от которого пострадали тысячи людей, то он вернее, чем месяцы словесной пропаганды, способен переменить взгляд этих тысяч людей на революционеров и смысл их деятельности», — были убеждены эсеры. Ленин еще в 1897 году, в написанной в ссылке брошюре «Задачи русских социал–демократов», что явилась ответом на широкую дискуссию по этому вопросу в обществе, высказывался о предшественниках и сторонниках социалистов–революционеров так: «Безыдейность и беспринципность ведут их на практике к «революционному авантюризму», выражающемуся ... и в их шумной проповеди «систематического» террора...» [7]. В интервью корреспонденту шведской газеты «Фалькете дагблат политикен» 1 июля 1918 года Ленин отмечал, что «история русской революции показывает, что партия всегда прибегает к индивидуальному террору, если она не пользуется поддержкой масс» [8].

После 1911 г. происходило угасание террора, так как многие эсеры разочаровались в нем, укрепляясь во мнении, что массовая социалистическая партия не должна заниматься терроризмом. Террор как главное средство борьбы партии рассматривался лишь группой «инициативного меньшинства», а также некоторых руководителей (Е. Ф. Азеф, Г. А. Гершуни, Б. В. Савинков), но эти взгляды не разделялись ни значительной частью руководства партии, ни массой ее рядовых членов [10, с. 39]. Эсеры заявляли, что террористическая тактика должна быть прекращена при созыве Учредительного собрания, что в свободной стране подобными методами политическую борьбу вести нельзя [10, с. 40].

Народные же социалисты в целом были врагами всякого экстремизма — политического, экономического, морального. Их партия была единственной партией народнического типа, исключившей из своей тактики политический террор [23]. Правда, следует сказать, что не у всех членов народно–социалистической партии было одинаковое, однозначно негативное отношение к террору, независимое от политических реалий. Дальше всех от террора «отстоял» Н. Ф. Анненский, принадлежавший к старшему поколению народных социалистов. Его до глубины души возмущало утверждение, что ради общего блага можно не останавливаться перед жертвами; столь же неприемлема для него была и мысль о насильственном захвате власти [23]. По воспоминаниям П. Н. Милюкова, своим благоразумием Николай Федорович выделялся даже в среде либеральных «освобожденцев» [9, с. 338]. Лидеры энесов А. В. Пешехонов и В. А. Мякотин в начале своей политической практики проходили период симпатии к террору (оправдывая его в самых крайних случаях, которых, по несчастью, было много в эпоху «беззакония и рабства»).

А. В. Пешехонов в 1924 г., уже будучи эмигрантом, опубликовал свои воспоминания о раннем столичном периоде своего политического пути. В них он подчеркивал, что к партии эсеров он никогда не принадлежал (вопреки утверждениям некоторых советских исследователей о том, что народно–социалистическая партия вышла из правого крыла эсеров), более того, «не находился ни в каких обязательных отношениях с ней. Но в качестве «обывателя», как несколько свысока третировали порой нас, легальных писателей, подпольные деятели партии, оказывал ей в ту пору посильную с моей стороны помощь» [13, с. 51]. Эти отношения с ПСР начались едва ли не с самого возникновения партии. Пешехонов принимал активное участие в эсеровском органе «Революционная Россия» не только в качестве автора материалов, но и иногда в качестве соредактора. Так, во втором номере «Революционной России» вышла статья Пешехонова «Выстрел Карповича», по мнению тогдашних публицистов, например, Е. Е. Колосова, «первая определенно террористическая статья тогдашней эсеровской литературы» [3, л. 64]. В 1901–1902 гг. Пешехонов написал для Петербургского комитета эсеров большую прокламацию «К учащейся молодежи», также помещенную в «Революционной России» в качестве программной передовой статьи и имевшую большой успех. После перенесения издания за границу Пешехонов продолжил сотрудничество с ним, направляя корреспонденцию почтой либо передавая ее в редакцию через Е. Азефа, с которым Пешехонов познакомился в 1901 г. Изредка Азеф от имени ПСР «заказывал» Пешехонову сочинение прокламаций, причем содержание и форма были целиком на усмотрение автора — Азеф этим словно бы совсем не интересовался. «Лично во мне, — вспоминал А. В. Пешехонов, — Азеф вызывал чувство внутреннего отталкивания, близкого к физическому отвращению… Я всегда говорил: нельзя же ставить человеку в вину его наружность. Но в глубине души чувство… какого-то инстинктивного недоверия, несомненно, во сне оставалось» [13, с. 52]. Пешехонов, по его словам, сразу пресек попытки провокатора перейти на панибратский тон, удерживая отношения в строго деловых рамках. Народник подчеркивает, что при Азефе ни разу не открыл места хранения оригиналов своих

рукописей, благодаря чему, несмотря на бесчисленные обыски, его тайники так и не были обнаружены полицией. Когда студент Н. Крестьянинов предъявил Азефу первое обвинение в провокаторстве, Пешехонов, хоть и не принял юношу всерьез, все же вынужден был участвовать в «разборе» этого показавшегося ему неосновательным дела, так как партийная организация эсеров была еще слаба, и основная часть ее лидеров находилась за границей. Знакомство Пешехонова с Крестьяниновым произошло в доме у жены известного библиографа Н. А. Рубакина, Надежды Ивановны. Пешехонов привлек к делу присяжного поверенного А. И. Гуковского, тогда еще рядового эсера, но с почтенным народовольческим и тюремным стажем [12]. Пешехонов, Гуковский и Н. Ф. Анненский устроили импровизированный суд над «Иваном Николаевичем» — таким именем Азеф представился Крестьянинову. Когда Азеф понял, что обвиняют его самого, то «разыграл искреннее возмущение и негодование, даже заплакал (он любил пустить слезу). Потом успокоился и стал деловито защищаться» [12]. В тот раз обвинения были признаны необоснованными, однако «судьи» «не почувствовали тогда удовлетворения», поэтому, когда провокаторство Азефа было доказано, Пешехонов «обычного в таких случаях изумления и… потрясения не испытал», зато страдал, что, оправдав в свое время предателя, не избавил многих выданных им людей «от тюрьмы, каторги и виселицы» [13, с. 57]. Объективности ради можно, конечно, допустить, что написанные спустя добрую четверть века воспоминания отражали более позднее отношение Пешехонова к Азефу как одиозной личности, официально разоблаченному полицейскому провокатору. Ведь современники неоднократно подчеркивали, что в партии Азеф пользовался безграничным доверием. Чернов до последнего защищал его и готов был судить как клеветника разоблачителя провокаторов В. Л. Бурцева, но не Азефа [4, с. 34]. Сам Бурцев объяснял «слепоту» Чернова тем, что тот действовал под гипнозом партийности, который заставлял видеть в Азефе полезного члена партии. При этом многие обращают внимание на крайне неблагоприятное первое впечатление, которое Азеф обычно производил на людей. Однако даже внешняя антипатичность не повредила провокатору в глазах Чернова, призывавшего своих соратников «хорошенько всмотреться в открытое лицо» Евно Фишелевича, ведь «в его чистых, чисто детских глазах нельзя не увидеть бесконечную доброту», и, разузнав, «нельзя не полюбить этого действительно доброго человека и доброго семьянина» [20, с. 262]. В данном случае партийные интересы заслонили Чернову, считавшему себя тонким психологом, общечеловеческие нравственные нормы… Казначей партии А. А. Аргунов писал: «Азефу мы поручили все, как умирающий на смертном одре. Мы ему рассказали все наши пароли, все без исключения связи (литературные и организационные), всех людей, все фамилии и адреса и отрекомендовали его заочно своим близким» [цит. по: 4, с. 34–35]. Окончательное разоблачение Азефа в 1909 г. вызвало тяжелый кризис в партии эсеров, вызвав, помимо прочего, серию дискуссий по поводу целесообразности дальнейшего применения террористической тактики (которая вскоре, как известно, «естественным путем» сошла на нет). Чернов настаивал на продолжении террористической линии, но время доказало правоту его оппонентов, заявлявших, что роль террора уже сыграна, общество разбужено, а власть до известной степени деморализована, и большего от террора ждать нельзя, так как общество к нему давно привыкло и правительство его больше не боится.

Пешехонов, по его же словам, помимо своего согласия оказался «одним из опорных пунктов» террора эсеровских боевиков, нередко принимая у себя дома Б. В. Савинкова. На его глазах проходила подготовка покушения на В. К. Плеве. Можно предположить, что террор как вид тактики не вызывал в нем тогда категорического неприятия и допускался хотя бы в виде исключения. Очевидно, подъем революционной стихии захватил Пешехонова, это

значило также, что его политические принципы еще не сложились окончательно. Осуждая репрессии и террор сверху во имя спасения существующего государственного порядка, А. В. Пешехонов в молодости допускал их применение ради установления иного порядка лицами, чьих убеждений он даже не разделял до конца. Постепенно он эволюционировал в сторону более гуманных и либеральных способов воздействия на власть, в принципе отвергнув целесообразность террора. Однако с эсерами его по-прежнему связывала приверженность социалистической теории.

Объединение неонародников в единую партию, на которое достаточно долго рассчитывали и правые — эволюционисты, и левые — революционеры, так и не состоялось. Причина этому была, конечно, не одна, но, думается, самая главная заключалась в допущении одними и неприятии другими некоторых методов политической борьбы. На 1-м съезде ПСР (декабрь 1905 — январь 1906 г.), состоявшемся на Иматре, принимался Устав ПСР. Народно–социалистическая партия находилась в тот момент в «эмбриональном» состоянии: она еще только формировалась в рамках редакции «Русского богатства», однако рабочее название «народные социалисты», по свидетельствам очевидцев, уже появилось. Активисты–общественники из «Русского богатства» — В. А. Мякотин, А. В. Пешехонов, Н. Ф. Анненский и солидарный с ними, но не вошедший затем в НСП П. Ф. Якубович — были приглашены на съезд. В советский период была распространена точка зрения о том, что народные социалисты вышли из правого крыла эсеров. Вряд ли это может соответствовать действительности. Сам Пешехонов неоднократно повторял, что к партии эсеров никогда не принадлежал. ПСР еще не была оформлена окончательно — фактически действовала она уже давно, однако уставные документы приняты еще не были и ряд концептуальных вопросов не получил окончательного программного завершения. Для этого нужен был учредительный съезд. Сотрудничество представителей народнических течений вполне могло быть и было, особенно публицистического рода, но на «дружеской», «товарищеской», неформальной основе. «Права представительства на партийном съезде мы еще не имели, — вспоминал Пешехонов, — но были там, — сужу по тому, как нас приняли, как к нам относились, как нас потом удерживали, — желанными гостями» [16, с. 329]. Подчеркнем: именно гостями, — если бы Пешехонов с товарищами входили в состав партии, у них, конечно, было бы право представительства. Так как не планировалось формального размежевания (что могло бы произойти, если бы в ПСР имелось настоящее правое крыло из будущих энесов), то, вполне естественно, подразумевалась возможность оформления единой неонароднической партии — эсеров. Однако гости съезда поставили вопрос об образовании новой открытой партии. По их мнению, только открытая партия, организованная на демократических началах, может создать новые формы общественной жизни: если разрушительная работа еще может производиться небольшими группами, то работа созидательная должна вестись большими организованными массами, для сплочения которых недостаточно сил конспиративной организации. Поэтому вместо конспиративной «кружковщины» они считали необходимым создать партию открытую, сильную и тесно связанную с народом, способную даже приостановить правительственную реакцию. В то же время народники из «Русского богатства» сомневались, что мирных средств политической борьбы окажется достаточно. Поэтому будущие лидеры НСП планировали сохранить боевые функции за старой строго конспиративной и совершенно самостоятельной организацией, уполномоченной практиковать в случае необходимости крайние средства, а параллельно с ней создать партию открытую, построенную на демократических началах — с подотчетностью и контролем. Внутри НСП «узкоспециальная» террористическая организация создана так и не была (социальный состав партии, в основном интеллигентский и не слишком «молодой», чтобы

тяготеть к экстремизму, исключил такую возможность). В крайних случаях народные социалисты оставляли за собой право оказывать некоторое содействие Боевой организации эсеров. Однако после окончательного партийного размежевания таких случаев отмечено не было, а на упреки в легализме энесы всегда отвечали с большим достоинством, подчеркивая, что легальность и открытость — не одно и то же. Расхождения с эсерами коснулись и программного пункта: народные социалисты не вписали в свой проект программы требования республики, в чем эсеры усмотрели желание приспособиться к полицейским условиям того времени. «Если в программе н.–с. партии не было «республики», то было полное «народовластие», — мы сознательно предпочитали сущность форме, — пояснял позже Пешехонов. — В программе, кроме того, было «Учредительное собрание», наличность какового по тогдашним временам ни в каком случае не могла содействовать приспособлению» [16, с. 330–332]. Критике подверглось также отсутствие у умеренных народников разделения программы на «минимум» и «максимум». «Мы все тут не верим в грандиозный мгновенный прыжок в царство грядущего социализма, — заявил на том же съезде В. А. Мякотин. Власть капитала может быть не только низвергнута, но и ограничена при помощи государственного контроля или путем привлечения рабочих к управлению промышленными заведениями. Наша программа, в отличие от с.–д., революционна не только в конечном пункте, но и на всем протяжении пути к социализму, и ее нельзя делить на две части» [16, с. 334]. Само понимание «революционности» у энесов было, как можно увидеть, более философским, стратегическим, и это затрудняло понимание прогрессивности взглядов деятелей этой партии оппонентами, более привычными к трактовке революции как резкого системного переворота, совершаемого насильственными средствами, подавляющими сопротивление старой системы.

По свидетельству М. В. Вишняка, первый партийный съезд стал «звездным часом» Чернова, показавшего себя мастером компромиссов (это дарование Чернова, многократно проявленное в его дальнейшей деятельности публичного политика, у его сторонников вызывало восхищение, у оппонентов — неизменный сарказм). Съезд по составу был очень пестрым. «Всю эту разноголосицу приводил к некоему общему знаменателю В. М. Чернов. Он был головой выше других членов съезда… В то время он в совершенстве владел искусством составлять растяжимые формулы и так, и так» [22, с. 686]. Однако дипломатического таланта Чернова оказалось недостаточно для того, чтобы склонить группу «Русского богатства» на сторону нелегальности, тактических крайностей, социализации земли, непременного и срочного требования республики и пр. Правые народники ушли со съезда; помимо них, съезд покинула крайне левая группа партии — близкие к анархистам эсеры–максималисты, недовольные включением в партийную программу пункта «минимум».

«Интеллигентский» характер будущей правонароднической партии вызывал серьезные сомнения в ее дееспособности у соседей «слева», однако, по мнению энесов, слабость социалистов–революционеров проявилась, в том числе, именно в недостатке интеллигентских «ресурсов», часть которых была «оттянута» от народничества кадетами. Так, по мнению правых неонародников, эсеры своим упорным пристрастием к нелегальности и радикализму отпугнули ряд перспективных союзников из интеллигенции, чье участие могло оказаться очень и очень полезным в деле развития разумных социалистических идей и продвижения их в массы.

Народных социалистов ни в коем случае нельзя назвать «бесхребетными» и «прекраснодушными». И до, и после Манифеста 17 октября они видели задачу революции в том, чтобы вырвать власть из рук старого режима. Они настаивали на продолжении борьбы за демократизацию государственного строя и за Учредительное собрание, которое считали

единственным средством покончить с засильем старой власти и притом легально — через волеизъявление народа. Но, допуская возможность решения вопроса о власти и об Учредительном собрании силой, они проявляли беспокойство, как бы эта борьба не стала кровопролитной. В этом отношении они положительно оценивали Манифест, создавший ограниченные, но реальные возможности избежать крайнего варианта развития событий: «Одна из главных задач заключается в том, чтобы изменить соотношение сил революции и реакции. Не следует забывать, что главное оружие первой — не револьвер, а идея» [18, с. 142]. Легальные народники также предостерегали против увлечения какой-либо одной формой борьбы, отмечая, что народовольчество едва ли так скоро было бы надломлено, если бы не отдало все свои боевые силы одному лишь террору. Они предупреждали и от других крайностей. Так, успех Октябрьской забастовки 1905 г. побудил многих «смотреть на эту форму борьбы как на некое универсальное средство» [19, с. 179]. Отсюда следует, что залог успеха революции энесы видели не в радикализме ее средств как таковом, а в их гибкости и разнообразии, что обеспечивало революции максимально широкую общественную поддержку.

В период работы II Государственной Думы (I-ю народные социалисты бойкотировали) энесам было свойственно жестко критиковать «средние партии», готовые добиваться усовершенствования политического режима в сотрудничестве с ним. По словам народников, кадетская партия становилась все более оппозиционной и все более «буржуазной», со временем переставая стесняться ставить перед собой прямо противосоциалистические задачи [17, с. 332]. Они заявляли, что о сотрудничестве оппозиционных партий с властями не может быть и речи и, идя на компромисс, средние партии «торгуют за чужой счет». Однако в таких заявлениях имелись и определенные противоречия с программой партии, которая предполагала уступки и постепенность, тогда как «Хроника внутренней жизни» А. В. Пешехонова гласила, что народу не нужны ни выборы, ни представители, а «нужна свобода, которая может войти, только распахнув двери» [17, с. 154].

Представления энесов о терроре несколько видоизменились после дела Азефа и убийства П. А. Столыпина. Причины террора и провокации, по мнению народных социалистов, коренились в самой политической системе Российской империи, в создании которой непосредственно участвовала власть и, следовательно, каждый ее отдельный представитель. В этом их позиция примыкала к позиции Чернова и большой части эсеровской партии, шедшей за ним в этом вопросе. Развитие провокаторства, явления безусловно мерзкого и аморального — часть государственной политики, за которую и несут ответственность власть имущие. Столыпин получил по заслугам — он поддерживал, пестовал эту систему предательства, поэтому он сам виноват, что пал ее жертвой. Таков был лейтмотив публикаций на смерть реформатора. Статья в «Русском богатстве» по поводу трагической гибели премьер–министра в 1911 г. называлась «Не добром помянут», что явно противоречило моральной максиме «de mortuis nihil nisi bene». Столыпин изображался пособником хищников и черносотенцев, делавшим «ставку на сильных» и своей землеустроительной политикой раскидавшим по всей стране «семена хищничества», всходами которых явились «ненависть и разорение» [15, с. 135]. Столыпину отказывали даже в праве считаться выдающейся личностью, утверждая, что не воля, ум и талант позволили тому достичь высокого положения и некоторых успехов, а везение, удача на всем протяжении карьеры [14, с. 170]. Не прозвучало ни ноты хотя бы формального сочувствия по поводу мученической смерти большого государственного деятеля, который старался добиться для России блага путем, сообразным его собственным твердым убеждениям. Напротив, едва ли не злорадство звучало в отзывах людей, обычно отстаивавших нравственные принципы не

только на бумаге. (Заметим, что, по свидетельству А. Ф. Пешехоновой, ее муж с радостью принял известие об убийстве великого князя Сергея Александровича. Однако фигуры московского губернатора с его более чем сомнительным моральным обликом и крупнейшего реформатора России несопоставимы). Исследователь ТНСП А. В. Сыпченко поясняет: «Убийство Столыпина народные социалисты не считали террористическим актом, так как Д. Г. Богров, по их мнению, не имел намерения кого-либо устрашить и добиться чего-либо, что является сущностью политического террора, — он просто совершил убийство. Столыпин, указывали энесы, стал жертвой той системы, которую сам развил. В связи с этим они отмечали опасность охранной гипертрофии не только для страны, но и для власти, предупреждали об угрозе нового прилива ожесточения» [23]. Полярность взглядов на будущее России и настоящее русской деревни, несходство воззрений на соотношение социальной справедливости и государственной целесообразности мешали неонародникам беспристрастно оценить масштаб деятельности и личности Столыпина.

«Важнейший вывод проведенного народными социалистами исследования о связи террора с государственной властью получил особое звучание после октябрьской революции 1917 г., когда террор стал основным средством управления государством», — справедливо подчеркивает А. В. Сыпченко. К этому моменту окончательно «повзрослевшие» энесы, как и большинство эсеров, уже давно считали террор методом, для демократических партий категорически неприемлемым.

Источники:

(1). Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Фонд 533. Дело 1301. Лл. 1-68.

(2). Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Фонд 225. Картон 1. Дело 65. Лл. 1-82.

Список литературы:

1. Вишняк М. В. Встречи с А. Р. Гоцем // За свободу. 1947. №18. С. 136-143.
2. Вишняк М. В. Дань прошлому. НЙ: Изд-во им. Чехова, 1954. 414 с.
3. ГА РФ. Ф.533. Д.1301.
4. Гусев К. В. В.М. Чернов. Штрихи к политическому портрету. М.: РОССПЭН, 1999. 207 с.
5. Ерофеев Н. Д. Народные социалисты в первой русской революции (1905-1907 гг.). М.: МГУ, 1979. 192 с.
6. Искра. 1902. №20.
7. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е издание. Т. 2. Режим доступа: clck.ru/Domwn.
8. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е издание. Т. 36. Режим доступа: clck.ru/Domwn.
9. Милюков П. Н. Воспоминания. В 2-х т. Т. 1. Нью-Йорк, 1955. 274 с.
10. Морозов К. Н. «Партия трагической судьбы»: вклад партии социалистов-революционеров в концепцию демократического социализма и ее место в истории России // Судьбы демократического социализма в России: Сборник материалов конференции. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2014. С. 37-55.
11. НИОР РГБ. Ф.225. Картон 1. Д. 65.
12. Первый суд и первое оправдание. Режим доступа: clck.ru/DomxH.
13. Пешехонов А. В. Мои отношения с Азефом // На чужой стороне. 1924. №5. С. 51-70.

14. Пешехонов А. В. За уходящей волной (по поводу смерти Столыпина) // Русское богатство. 1911. №9. С. 166-171.

15. Пешехонов А. В. На очередные темы. Не добром помянут // Русское богатство. 1911. №10. С. 115-141.

16. Пешехонов А. В. Почему мы тогда ушли // Русское богатство. 1917. №11-12. С. 327-350.

17. Пешехонов А. В. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1905. №5. С. 149-174.

18. Пешехонов А. В. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1905. №10. С. 131-144.

19. Пешехонов А. В. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1905. №11-12. С. 176-202.

20. Провокатор. Правда о революционном терроре в России. М.: Прибой, 1991. 350 с.

21. Протасова О. Л. А.В. Пешехонов. Человек и эпоха. М.: РОССПЭН, 2004. 240 с.

22. Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. М.: РОССПЭН, 1997. 750 с.

23. Сыпченко А. В. Народные социалисты и террор. Режим доступа: clck.ru/DomxR.

24. Хэфнер Л. «Товарищи» или «наши друго-враги»? Аграрный вопрос, терроризм и взаимоотношения партии социалистов-революционеров с немецкой и российской социал-демократическими партиями в 1902-1914 гг. // Судьбы демократического социализма в России: Сборник материалов конференции. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2014. С. 101-116.

25. Чернов В. М. Конечный идеал социализма и повседневная борьба. Ревель: изд-во Ревельского Комитета ПСР, 1917. 32 с.

26. Чернов В. М, Террористический элемент в нашей программе // Революционная Россия. 1902. №7. С. 2-6.

27. Якубович П. Ф. В мире отверженных. Записки бывшего каторжника. В. 2-х т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1964. 419 с.

28. Факт, История. Режим доступа: http://rusplt.ru/fact/esser-10101.html (дата обращения 21.06. 2017).

29. Михайлов А. О революционном авантюризме. В. И. Ленин о терроризме. (Москва) Режим доступа: http://kpss-ru.livejournal.com/86832.html (дата обращения 24.06.2017).

References:

1. Vishnyak, M. V. (1947). Meetings with A.R. Gotzem. For Freedom. (18). 136-143.

2. Vishnyak, M. V. (1954). A Tribute to the Past. NY: Publishing them. Chekhov, 414.

3. The GA of the RF. F.533. D.1301.

4. Gusev, K.V. (1999). V. Chernov. Strokes to the political portrait. Moscow: ROSSPEN, 207.

5. Erofeev, N. D. (1979). People's Socialists in the First Russian Revolution (1905-1907 gg.). Moscow: Moscow State University, 192.

6. The spark. (1902). 20.

7. Lenin, V. I. Complete Works. 5th edition. (2). Access mode: clck.ru/Domwn.

8. Lenin, V. I. Full composition of writings. 5th edition. 36. Access mode: clck.ru/Domwn.

9. Milyukov, P. N. (1955). Memories. In two vols. (1). New York, 274.

10. Morozov, K. N. (2014). "The Party of the tragic fate": the contribution of the Socialist-Revolutionary Party to the concept of democratic socialism and its place in the history of Russia. The fate of democratic socialism in Russia: Collection of conference materials. Moscow: *Publishing House. Sabashnikovs,* 37-55.

11. NIOR of the RSL. F.225. Cardboard 1. D.65.
12. The first trial and the first justification. Access mode: clck.ru/DomxH.
13. Peshekhonov, A. V. (1924). My relations with Azev. On the foreign side. (5). 51-70.
14. Peshekhonov, A. V. (1911). Behind the outgoing wave (concerning the death of Stolypin). *Russian Wealth,* (9). 166-171.
15. Peshekhonov, A. V. (1911). On the next topic. Not well remembered. *Russian riches,* (10). 115-141.
16. Peshekhonov, A. V. (1917). Why we left then. *Russian riches.* (11-12). 327-350.
17. Peshekhonov, A. V. (1905). Chronicle of inner life. *Russian wealth,* (5). 149-174.
18. Peshekhonov, A. V. (1905). Chronicle of inner life. *Russian wealth,* (10). 131-144.
19. Peshekhonov, A. V. (1905). Chronicle of inner life. *Russian Wealth*, (11-12). 176-202.
20. The provocateur. (1991). The Truth About Revolutionary Terror in Russia. Moscow: Priboy, 350.
21. Protasova, O. L. (2004). A.V. Peshekhonov. Man and era. Moscow: *ROSSPEN,* 240.
22. Russian Abroad. (1997). Gold book of emigration. The first third of the twentieth century. Moscow: *ROSSPEN,* 750.
23. Sypchenko, A. V. People's Socialists and Terror. Access mode: clck.ru/DomxR.
24. Hafner, L. (2014). "Comrades" or "our other enemies"? The agrarian question, terrorism and the relationship of the Socialist-Revolutionary Party with the German and Russian Social-Democratic parties in 1902-1914. The fate of democratic socialism in: Collection of conference materials. Moscow: *Publishing House. Sabashnikovs,* 101-116.
25. Chernov, V. M. (1917). The ultimate ideal of socialism and everyday struggle. Revel: Publishing House of the Revel Committee of the AKP, 32.
26. Chernov, V. M. (1902). The Terrorist Element in Our Program. *Revolutionary Russia,* (7). 2-6.
27. Yakubovich, P. F. (1964). In the world of the outcast. Notes of the former convict. (1). 419.
28. Fact, History. Access mode: http://rusplt.ru/fact/esser-10101.html (circulation date is June 21, 2017).
29. Mikhailov, A. About revolutionary adventurism. VI Lenin on terrorism. (Moscow) Access mode: http://kpss-ru.livejournal.com/86832.html (circulation date on June 24, 2017).

Работа поступила
в редакцию 04.06.2018 г.

Принята к публикации
08.06.2018 г.

Ссылка для цитирования:

Протасова О. Л. Неонароднические партии России начала XX века и их отношение к террору // Бюллетень науки и практики. 2018. Т. 4. №7. С. 516-527. Режим доступа: http://www.bulletennauki.com/protasova-2 (дата обращения 15.07.2018).

Cite as (APA):

Protasova, O. (2018). Neo-people parties of Russia started of the 20th century and their relationship to terror. *Bulletin of Science and Practice, 4*(7), 516-527.